

ИСКУССТВО

УДК 746.346 ББК 85.14; Ц126.9. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.014

И. А. Шалина

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия. shalina_irina@mail.ru

ДВЕ ПЛАЩАНИЦЫ XVII В. ИЗ УСПЕНСКОГО СОБОРА ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Статья посвящена двум шитым плащаницам Успенского собора Тихвинского монастыря XVII в. Первая из них была вложена в 1601 г. думным дворянином Х.-И. И. Безобразовым, постельничим Бориса Годунова. Она была в 1612 г. похищена из монастыря и позднее оказалась в Быстрицком монастыре в Валахии. Обнаруженный в Национальном музее искусств Бухареста памятник относится к группе больших воздухов второй половины XVI – XVII в., иконография которых была сформирована в мастерской Ефросинии Старицкой, но отличается уникальными иконографическими особенностями. Судьба второй плащаницы, вложенной в 1691 г. московским князем М. Я. Черкасским, неизвестна, но благодаря фотографии 1911 г. удается определить ее художественные особенности. По архивным материалам рассматриваются другие княжеские вклады в Тихвинский монастырь.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, древнерусское искусство XVII в., древнерусское лицевое шитье, плащаница, иконография, страстная тема, вкладчики, Смута начала XVII в., М. Я. Черкасский, Х.-И. И. Безобразов, Прозоровские

Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 18-012-00512

Шитое убранство соборов Большого Тихвинского монастыря, кроме отдельных упоминаний и публикаций, еще ни разу не привлекало внимания исследователей. Между тем, судя по переписным книгам, оно было весьма значительным: писцы неизменно перечисляют в Успенском соборе многочисленные литургические комплекты и алтарные покровы, лицевые и орнаментальные пелены, висевшие под иконами, убрусы и плащаницы, палицы, митры, сулоки и святительские одежды. Большая часть их была вложена на протяжении XVI–XIX вв. представителями царского рода и духовенства, боярами, именитыми паломниками, купцами, имевшими глубокую веру в силу хранившейся здесь чудотворной иконы Богоматери Тихвинской. После закрытия монастыря осенью 1924 г. в Тихвине началась активная кампания по изъятию церковных ценностей, которая нанесла тяжелый удар по художественному и историческому наследию как самой древней обители, так и других городских и пригородных церквей и монастырей. Пожалуй, наибольшему разорению наряду с драгоценной утварью подверглось именно шитое убранство, в значительной части уничтоженное, разрозненное, переданное в Музейный фонд и Антиквариат, в результате чего лишь малая толика памятников

оказалась в отечественных и зарубежных собраниях, утратив сведения о своем происхождении. Вычленению уцелевшего в перипетиях истории тихвинского лицевого и орнаментального шитья посвящено несколько наших исследований [Шалина, в печати; Шалина, Клюканова, в печати]. В этой статье речь пойдет о двух значительных литургических эпитафиях начала и конца XVII в., связанных с пожалованиями крупных государственных деятелей.

С начала XVII в. в Успенском соборе должна была находиться большая плащаница, вложенная туда в 1601 г. думным дворянином Харитоном-Истомой Иосифовичем Безобразовым, постельничим Бориса Годунова. Впервые о ней стало известно из переводной статьи археолога, профессора Букурештского университета и директора Музея древностей А. И. Одобеско (1834–1896), по распоряжению Румынского правительства в 1860 г. обследовавшего ризницы валашских монастырей, в том числе Быстрицкого (1497), где им и был обнаружен этот памятник¹ (Ил. 1). В ходе национализации церковного имущества его вместе с другими ценностями вскоре передали в Букурештский музей древностей (в Бухаресте), где он и хранится в настоящее время². О времени и обстоятельствах вклада в Успенский собор Тихвина свидетельствует шитая надпись, идущая поперек средника в три строки с правой стороны, у ног Спасителя: «Б(О)ЖІЄЮ М(И)Л(ОС)ТІЮ. ПРИ Д(Є)РЖАВѢ Г(ОС)Д(А)РІИ Ц(А)РІИ І ВЕЛИКОГО КН(И)ЗІИ БОРИСА ФЕ(О)Д(О)РОВИЧА ВС(И)И РҮСИ ГАМО(Д)ЄРЖЦА И ПРИ Є(ГО) БЛ(А)ГОВѢРНАИ Ц(А)РІЦЄ И ВЕЛИКО(Й) КН(И)ГІНИ МАРЬЄ ГРИГОРЄВНЄ. / И ПРИ И(Х) БЛ(А)ГОРОДНЫ(Х) ЧАДЄ(Х) Ц(А)РЄВИЧЄ ФЕ(О)Д(О)РѢ БОРИСОВИЧЄ И Ц(А)РЄВНЄ КЄНИИ БОРИСОВНЄ. ДАДЪ ЄИ ВОЗДУ(Х) В ДО(М) ПРЄЧ(И)СТЫЄ Б(О)ГОРОДИЦИ ТИФИНСКАГО МОНАСТЫРІИ Г(ОС)Д(А)РІИ Ц(А)РІИ / И ВЕЛИКО(ГО) КН(И)ЗІИ БОРИСА ФЕ(О)Д(О)РОВИЧА ВСЄИ РҮСИ ПОСТЕЛНИЧІЄ НАМѢСТНИК ТРЕТИ МОСК(О)ВСКІЄ ХАРИТО(Н) А ПРО(З)ВИЩЄ ІСТОМІИ ОСИФОВИЧЬ БЕЗОБРАЗ(О). ПО СВОЄ(Й) Д(У)ШЄ И ПО СВОЄ(Й) ЖЕНѢ ЄКАТЕРИНЄ ПЕТРОВНЄ: ЛѢТІА ЗРФ» (Ил. 2). Неизвестно, что связывало думного дворянина с Тихвинским монастырем, возможно, здесь бездетные супруги молились о чадородии, тем более что, исполняя разные должности при дворе, Харитон Безобразов часто бывал в Новгороде: пользуясь доверием Ивана Грозного, он оставался там при царевиче Иване Ивановиче, в 1586 г. сопровождал Феодора Иоанновича в Новгородском походе. Однако после получения чина постельничего (1589) и назначения наместником трети Москвы (1590) сведений о новгородских поездках не имеется. Судя по крупным владениям вотчинами в Кашинском, Боровском и Московском уездах и целому ряду поместий, царский слуга был весьма состоятельным человеком [Павлов, с. 199], при этом вплоть до смерти Харитон Безобразов так и оставался бездетным, а после 1604 г., уйдя со службы, принял постриг с именем Христофор. В 1613 г. он оставался еще в живых (обычно годом смерти считается 1604-й), поскольку упоминается в Дозорной книге Боровского уезда («да за Истомою Осиповым сыном Безобразова, что ныне старец Христофор, старинная вочина сельцо... и пашни»³).

Примечательно, что октябрём 1601 г. датируется и Вкладная «память игумена Тихвинского монастыря Иосифа с братьею о вкладе постельничего и наместника Харитона-

¹ Об этом см. рукописный отчет: Odobescu A. Relație despre Anticultățile ce se află în mănăstirile din districtele Argeșul și Vâlcea prezentată onorabilului Minister al Cultelor și Instrucțiunii Publice din Țara Românească de A. I. Odobescu în anul 1860, iunie și iulie. Partea a IV-a. Mănăstirea Bistrița și schiturile ei. București. Biblioteca Academiei Române. Mss. rom. 3265. F. 19 v–20 r [Одобеско].

² Национальный музей искусств Румынии (Бухарест). Инв. № MNAR 15832/B 187. Размеры: 157 × 104 (с новой основой); Размеры: 132 × 73 (шитье). Атлас, золоченые и серебряные, пряденые и сканные нити, шелковые нити (см.: [Brun, p. 23–24, nr. 4; Tocilescu, p. 101, nr. 4; Elian etc., p. 700, nr. 1035; La Roumanie, p. 179]). Во всех изданиях приведены краткие каталожные сведения. Сердечно благодарю заведующую отделом средневекового искусства Национального музея искусств Румынии Э. Черня за помощь в поиске сведений об этом памятнике и его публикаций в Румынии, а также за возможность получить фотографии плащаницы.

³ Боровский уезд в XVII веке (Материалы дозора 1613 года) / Подгот. С. Ермолаев. М., 1992. С. 27. Л. 170.

Истомы Осиповича Безобразова», почти дословно повторяющая текст на самой плащанице: «По милости божии и Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ее Успения и чудотворного образа Одигитрия Тифина монастыря, государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси постелничей и намесник трети московские Харитон прозвище Истома Осипович Безобразов дал к Пречистой Богородице в Тифиньский монастырь вкладу воздух на отласе на червчетом, шит золотом и серебром, положения Спасова во гроб, а около на отласе на богьровом // шиты золотом и серебром и шолки святые поесьные, за дватцать пять рублей да денег дватцать пять рублей при игумене Иосифе, при келаре Боголепе, при казначее Якове и при соборных старцах, при Вельямине... и при всей братьи Тифина монастыря. И за тот вклад мне, игумену Иосифу, з братьею, по мне кто иные игумены и братья будут, за Харитоново здравие и за его семью Екатерину Бога молити, а родители Харитоновы по памяти в сенаник написали и поминаем. А как Бог пошлет по душу Харитонову и Екатерину, и Харитона и Екатерину написати в летию в вечное поминание...»⁴.

До сих пор оставалось неясным, когда и при каких обстоятельствах плащаница, поступившая в монастырь в 1601 г., еще в древности оказалась в Быстрицком монастыре в Валахии. Сейчас можно уверенно говорить, что в Тихвине шитье хранилось совсем недолго, поскольку оно не упоминается уже в первой дошедшей до нас описи (1612), зафиксировавшей материальный урон имуществу обители при вступлении в должность нового игумена [Абеленцева, с. 11]. О серьезном разорении монастыря, нанесенном набегом в июле этого года «польскими, литовскими и русскими воровскими людьми», свидетельствуют документы Новгородского оккупационного архива, хранящиеся в Стокгольме⁵: «и у чудотворного образа Пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад ободрали, и монастыри разорили, и посад Тихвинской выжгли. И тихвинского игумена Иосифа, и старцов, и слуг, и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поимали»⁶. Плачевное состояние монастыря после набега «воровских» людей подтверждают опросные речи келаря, казначея и старцев, размещенные в конце упомянутой описи: «После приходу литовских людей у Пречистые Богородицы в казне денег, и золотых, и жемчугу, и кузни, и **ризные казны, и саженья, и тафтяного и камчатого, и всякого платья после разоренья литовских людей ничего не осталось** (выделено здесь и далее мною. – И. Ш.)»⁷. Таким образом, монахи свидетельствовали о пропаже в июле 1612 г. наряду с казной и драгоценными металлами (оклады, кузнь, утварь), всех церковных тканей, к числу которых, в первую очередь, должна была относиться плащаница, вышитая по дорогой камке золотыми и серебряными нитями. Очевидно, что она была вывезена польско-литовскими «ворами», почему и оказалась в Валахии, до начала XVII в. находившейся под властью польского короля Сигизмунда III.

Аналогичная история известна с шитым воздухом 1597 г., похищенным интервентами пана Лисовского совместно с переславцами (и, видимо, выходцами из Молдавии и украинскими казаками) из Успенского собора Ростова при его разорении зимой 1608 г. Впоследствии он оказался в соборе монастыря Драгомирна (Сучавская и Рэдэуцкая архиепископия) в митрополии Молдавии и Буковины Румынской [Силкин, 2017]. Сходная судьба постигла и плащаницу 1545 г. из Успенского собора Смоленска, вышитую по заказу епископа Гурия (1546) монахинями Новодевичьего монастыря. Она была украдена в 1611 г. воинами Сигизмунда III,

⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ, Москва). Оп. 18. Ед. хр. 44. Л. 9, 10. Список 1686 г. опубликован: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. 4. № 35. С. 29.

⁵ Введены в научный оборот: [Селин, 2008, с. 396, 617].

⁶ Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 112–120 гг. Stockholm. Riksarkivet. Ockupationsarkivet fran Novgorod. Serie 1. № 136. Л. 767–768. Цит. по: [Селин, 2010, с. 30].

⁷ Книга переписная монастырского имущества, составленная в целях приведения в известность состояния монастыря после нашествия литовских людей. 1612, сентября // Архив СПбИИ РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 28–28 об.

преподнесшего ее на следующий год в дар монастырю Св. Троицы в Вильнюсе, где памятник находился до 1822 г., когда его выкупил польский магнат и коллекционер Адам Чарторыйский для своей коллекции. При возвращении шитья в Москву (1865), по распоряжению московского митрополита Филарета (Дроздова), оно было оставлено на сохранении в Новодевичьем монастыре (ГИМ. Инв. № 3-РБ). Из Архангельского собора Московского Кремля во время польско-литовской интервенции был похищен и воздух княгини Елены Верейской (1466). В числе других драгоценностей, награбленных в России Мариной Мнишек, его конфисковал воевода И. А. Голицын во время освобождения им Астраханского кремля, захваченного польской королевной вместе с атаманом Иваном Заруцким в 1614 г. [Штылько, с. 16–17]. Впоследствии шитье хранилось в городском Успенском соборе (ныне: Астраханский музей-заповедник. Инв. № 882) [Нарциссов].

Плащаница Х. Безобразова сохранила все свои древние части, но в силу ветхости основы была дублирована в музее на новую красную ткань. Средник, как и гласит вкладная жалованная запись, на «отласе на червчетом» шит золотыми, серебряными и шелковыми нитями, вокруг на кайме темно-голубого шелка размещено 28 медальонов с поясными изображениями святых. До того как появилась возможность изучения памятника по качественной фотографии, нам казалось, что с первоначальных коричневых полей, описанных в этом документе («на отласе на богъровом шитьи золотом и серебром и шолки святые поесьные»), изображения были перешиты на другую ткань во время поновления позднего времени. Это было тем более убедительным, что литография в статье А. И. Одобеско (Ил. 3) свидетельствовала о нарушении традиционного расположения палеосных изображений: все лики развернуты в сторону средника. Однако это оказалось не так: судя по характеру вышивки, она сохранилась в авторском исполнении, и странную ошибку составителя вкладной памяти (или скорее переписчика этого документа) объяснить непросто.

Дорогое приношение Харитона Безобразова, оцененное в том же документе в «двадцать пять рублей», сопровождалось еще и крупным денежным вкладом: «да денег двадцать пять рублей», за что ктитор просил включить их с женой имена в поминальный синодик, а после смерти «написать в летоию в вечное поминание». Молебщиками супругов выступают и небесные патроны вкладчиков – преподобный Харитон Исповедник и великомученица Екатерина, размещенные в пандан друг другу среди большого сонма (28) святых и строго по сторонам вкладной надписи. Уникальная, неизвестная по другим памятникам, система размещения изображений в медальонах заслуживает особого внимания. Она отличается не только нетрадиционным разворотом святых к главному событию (вместо принятой на каймах замкнутой деисусной или фронтальной схемы), но и группировкой ликов святости, распределением их по сторонам от средника. Всю левую сторону занимают полуфигуры вселенских святителей Василия Кесарийского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и русских митрополитов: Петра, Алексея и Ионы, которые ниже (если развернуть плащаницу вертикально) продолжают обращенные друг к другу на противоположных полях епископские пары Николая Мирликийского и Леонтия Ростовского, Иоанна и Никиты Новгородских. Затем следуют парные же изображения апостолов Петра и Павла, Андрея и Иакова, Варфоломея и Фомы, Филиппа и Симона, разделенные средником. Следующую двоицу представляют известные столпы московского и северного монашества Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский, прямо за которыми следуют небесные покровители супругов-вкладчиков вмч. Екатерина и прп. Харитон, изображенные на уровне вкладной надписи, словно непосредственно исходящей от тезоименитых дарителям святых. Нижняя (или правая по отношению к Положению во гроб) кайма начинается образом Варлаама Хутынского, которому в противоположном углу «отвечает» фигура Василия Блаженного. Между ними размещены еще пара мучеников – Параскева Пятница и Дмитрий Солунский, явно связанные

с именами членов семьи Безобразовых, и два преподобных – Пафнутий Боровский и Александр Свирский, вновь представляющие собой пару подвижников московской и северной Фиваиды. Тем самым литургический образ воздуха в центре окружен фигурами русских святителей и новгородских чудотворцев, апостолов и большого сонма русских преподобных, основателей самых известных монастырей. Примечательно, что среди представителей русского монашества избраны как основатели общежития – ростовские преподобные, а также ученик Сергия Пафнутий Боровский, в пределах монастыря которого Харитон Безобразов владел своими землями (и, видимо, был там пострижен), приверженцы строгой аскезы и юродства, так и пользовавшиеся большим почитанием в Тихвине святые владыки Новгорода и его чудотворцы. Кажущаяся на первый взгляд «неправильность» изображения святых на каймах на самом деле представляет собой глубоко продуманную и редкую по своей насыщенности идейную и иконографическую программу.

Плащаница 1601 г. относится к многочисленной группе памятников второй половины XVI – XVII в., иконография которых повторяла тип больших воздушных, вышитых в мастерской Ефросинии Старицкой, прежде всего вложенного в 1561 г. в Успенский собор Московского Кремля (ныне в Успенском соборе Смоленска [Силкин, 2009, цв. ил. на с. 17]). Все эти памятники объединяет сходная многофигурная композиция средника с «историческим» типом Оплакивания Христа и символами евангелистов в угловых сегментах, расположение свидетелей евангельского события и ангелов, а также полукруг неба в верхней части с изображением голубя – Святого Духа, светил и бесплотных сил; рисунок низкого ложа и даже характер и орнаментика одеяний. К этому надо добавить обрамляющие сцену широкие каймы с большим числом поясных фигур, причем на верхнем и нижнем полях святые чаще развернуты к центральным образам Отечества, и изображением праздника, которому посвящен храм. Можно было бы ожидать и на тихвинском воздухе обязательные (учитывая наличие символов) образы евангелистов и композицию Успения Богородицы внизу, как на плащаницах 1561 и 1565 гг. из Успенских соборов Кремля и Кирилло-Белозерского монастыря [Древнерусское шитье, с. 28, 41–42; кат. № 67, ил. на с. 130], вышитых в мастерской Старицких [Маясова, 1960]. Однако знаменщик явно имел перед собой иной образец. Большую часть произведений этой группы объединяет еще одна особенность – идущая справа поперек средника в три строки вкладная надпись, которая есть и на рассматриваемом памятнике из бухарестского музея.

В последних десятилетиях XVI – начале XVII в. именно этот тип «больших воздушных» был широко востребован среди вкладов семьи Годунова [Маясова, 1984], подобно Положению во гроб, исполненному в 1581–1588 гг. в светлице Агриппины, первой жены Димитрия Ивановича, и вложенному ею в Ипатьевский монастырь⁸. Видимо, в царских годуновских мастерских была создана одна из лучших по художественным особенностям плащаниц, вышитая по повелению митрополита Варлаама I (1597) [Силкин, 2017]. Еще один аналогичный по иконографии воздух вышит в доме второй жены Димитрия Ивановича Годунова – Стефаниды (Матроны) Андреевны (с 1589 г.) и вложен ими в 1600 г. в ростовский Авраамиев Богоявленский монастырь⁹. На следующий, 1598 г. близкий по замыслу памятник дан боярином князем Иваном Ивановичем Голицыным в Успенский собор Троице-Сергиевой лавры¹⁰, а другой по велению царского печатника Василия Яковлевича Щелкалова и его сына Ивана вышивался для собора Рождества Богородицы Пафнутьево-Боровского монастыря¹¹.

⁸ Музей-заповедник «Ипатьевский монастырь» (ныне Церковно-археологический музей Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря). Инв. № КОК 6087. Размеры: 111 × 185 [Сокровища Костромы, ил. 21, с. 36–37].

⁹ Музей-заповедник «Ростовский кремль». Инв. № КП-52551, Т-4217 [Пуцко, бр. 24/25, с. 64–65, р. 7].

¹⁰ Сергиево-Посадский музей-заповедник. Инв. № 2425. Размеры: 142 × 218 [Манушина, 1983, кат. № 18, с. 74–75, ил. на с. 193–194; Ризница, с. 301–305].

¹¹ ГИМ. Инв. № 67516 РБ-2038 [Россия, кат. № 624, с. 268].

Наряду с годовскими и близкими к ним воздухами, существует еще одна, отличающаяся от них, группа плащаниц, шитых в другой мастерской (мастерских?) по той же или сокращенной схеме (без святых на полях) и обнаруживающих не только иконографическую, но и стилистическую близость. Наиболее ранняя среди них плащаница, вложенная в 1596 г. родным братом Василия Щелкалова (Щелканова) – думным дьяком Посольского приказа и приближенным царскому дому Андреем Яковлевичем «со своею женою Соломониюю в дом Николы» – в надвратный храм Псково-Печерского монастыря¹² (Ил. 4). Помимо сходной композиции средника, тихвинский памятник сближает с ней характер каймы со святыми, помещенными в серебряные медальоны, разделенные колонками с перехватами и красными «травмами» с кринями, выполненными, по мнению Е. Ю. Катасоновой, «одной рукой». Исследовательница допускает создание обоих воздухов в московской мастерской, но разными мастерицами, о чем свидетельствуют, с одной стороны, близко шитые сканью одежды, а с другой – по-разному исполненные лики¹³. К сожалению, кайма печерской плащаницы была сильно переделана при поновлении, когда изображения были перенесены на другую основу, что не позволяет точно реконструировать последовательность и расположение святых и сравнивать ее замысел с тихвинским воздухом. Однако очевидно, что при сохранении там традиционного – деисусного – внутри каймы разворота фигур на ней также отсутствовали фигуры евангелистов. С деятельностью этого круга мастеров, где, видимо, была выполнена и плащаница 1601 г., данная в дом Богородицы Тихвинского монастыря постельничим Бориса Годунова Харитоном Безобразовым, Е. Ю. Катасонова связывает еще целый ряд эпитафий: из собрания Троице-Сергиевой лавры начала XVII в (Инв. № 7683-ихо [Манушина, 1977]) и 1609 г., вложенную в Антониево-Сийский монастырь приближенным к царскому двору боярином К. Г. Овцыным [Соломина, кат. № 3, с. 32], а также более позднюю, 1627 г., из Вознесенского монастыря [Маясова, 2004, кат. № 83, с. 259–261].

Место утраченной в 1612 г. плащаницы Безобразова заняла в монастыре оказавшаяся здесь в послевоенное Смутное время новгородская эпитафия, вышитая в живописном евфимиевском стиле в 1450–1460-х гг. и изначально, видимо, принадлежавшая Воскресенскому Деревяницкому монастырю [Шалина, Ключанова, 2020]. Однако она уже в это время была ветхой, что и послужило причиной появления здесь еще одного воздуха. Он впервые зафиксирован переписной книгой 1648 г.: «Пелена вново. Положение во гроб Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, шито золотом и серебром, слова Положение во гроб низано жемчюшком, пушено отлас был»¹⁴. Судя по отмеченной писцом утрате атласной каймы, эпитафия, как и воздух XV в., не была только что вышитой и вложенной в монастырь, скорее всего, ее также передали из какой-то другой церкви, как это было принято в годы восстановления новгородской земли после шведского разорения. Действительно, вскоре она пропадает из описей и появляется в книге 1665 г. в уже ином, перешитом, виде: «Плащаница Положение во гроб Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа шито золотом и серебром, слова Положение во гроб низано жемчюшком, опушена з дву сторон аксамитом, а з дву сторон участком золотным по серебряной земли. Наугольники – отлас травчатой по белой земли. Подложена тафтой зеленой»¹⁵. Памятник упоминается в числе двух других воздухов вплоть до конца XVIII в., а в дальнейшем в историко-статистических описаниях середины XIX в. [Бередников, с. 88], но его последующая судьба нам неизвестна. В списке из 149 номеров

¹² Псковский музей-заповедник. Инв. № 1258. Размеры: 80 × 155 [Реставрация, кат. № 55, с. 45–46, текст А. В. Силкина]. Сердечно благодарю А. В. Силкина, поделившегося со мной текстом его неопубликованной статьи об этом памятнике.

¹³ Сердечно благодарю Е. Ю. Катасонову, поделившуюся со мной этими наблюдениями.

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 37 об.

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Ед. хр. 213. Л. 61.

тканей, вывезенных Ф. М. Морозовым из Тихвинского монастыря в Русский музей (куда после ликвидации в 1928 г. Ленинградского отделения Государственного музейного фонда временно свозились памятники из церквей Ленинграда и области), она не значится (акт № 2012/1172 от 21.08.1932).

Необходимость в новом большом воздухе в Успенском соборе назревает к концу XVII в., и неслучайно его вкладывает главный ктитор и попечитель монастыря. Об этом сообщает запись во Вкладной книге: «Да в нынешнем во РЧФ (1691) году он же боярин князь Михаил Яковлевич Черкасской прислал Пречистой Богородицы в соборную церковь плащаницу. Шита в середине по вишневному отласу золотом и серебром, а по краям шиты святые по зеленому отласу, подложена камкою зеленою травчатою»¹⁶. Этот текст дословно повторяется в переписной книге Успенского собора (1695), где воздух размещается на втором месте среди двух упомянутых выше: «Вновь. Плащаница шита в середине по вишневному отласу золотом и серебром, а по краем шиты святые по зеленому отласу, подложен камкою зеленою»¹⁷. Как одна из «замечательных» она упоминается в печатных изданиях XIX в., причем отмечается факт ее реставрации в 1829 г.: «по ветхости, переложена на малиновый бархат» [Бередников, с. 88]. В числе других тихвинских древностей плащаница князя Черкасского принимала участие в выставке XV Археологического съезда в Новгороде (1911), в каталоге которой приводятся и ее иконографические особенности («по углам – 4 евангелиста, по краям 24 святых» [Каталог выставки, № 155, с. 34]). Нелицеприятную оценку произведению дал в своей статье А. И. Анисимов, кратко рассмотревший экспонаты выставки. При сравнении ее с Софийской плащаницей (1456) он отметил «грубость и неуклюжесть» фигур, не отвечающих форме драпировок, путаницу в складках и «хаос линий, проведенных неумелой рукой», «утраченное чувство колорита» [Анисимов, с. 8].

Поскольку судьба этого памятника остается неизвестной, чрезвычайную важность имеет опубликованная А. И. Анисимовым черно-белая фотография (Ил. 5), позволяющая рассматривать его среди обширной группы произведений, восходящих к иконографическому типу больших воздухов Старицких. Однако композиционные особенности тихвинского имеют целый ряд отличий, прежде всего в правой части сцены, особенно заметные в позе Никодима – выпрямившегося (а не согбенного), поднявшего и прижавшего к себе руки; и юного Иоанна Богослова, устремившего взгляд на Спасителя и скрестившего кисти на груди, повторяя жест принятия причастия. В облаках здесь размещен Саваоф, а Святой Дух в виде голубя включен в исходящий с небес луч. Иной здесь и состав поясных святых на каймах, также представленных в кругах с балясинами. Но все они обращены друг к другу (головами к среднику), при этом отсутствуют центральные образы Отечества (наверху) и праздника (внизу). Как и на плащаницах Старицких, на верхнем поле размещены пророки, нижнее занимают апостолы (12 фигур, учитывая евангелистов в углах), слева вписаны московские митрополиты, справа – вселенские святители.

Памятник имеет разительное сходство с плащаницей, вложенной в 1678 г. Иваном Гурьевым в Чудов монастырь¹⁸: обе они выполнены по одному рисунку-образцу, с повторением даже мелких и второстепенных деталей. Единственное отличие – зеркальное расположение святых на полях (пророки внизу, вселенские святители слева), однако нельзя исключать, что они были переставлены местами во время поновления 1829 г., когда изображения переложили на новую основу. Чудовский воздух рассматривается исследователями в числе целого ряда

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115 (Рукописные книги). Ед. хр. 75. Вкладная книга Большого Тихвинского монастыря. Л. 11 об.

¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Ед. хр. 720. 1695 г. Л. 46 об.

¹⁸ Государственные Музеи Московского Кремля. Инв. № ТК-2956. Размеры: 135 × 189 [Маясова, 2004, кат. № 129, с. 365–367].

произведений, объединенных одним стилем и техническим сходством приемов шитья, что дало повод думать о принадлежности их одной мастерской, часто отождествляемой с именем ярославского купца Ивана Гурьева (в силу того, что лишь его имя упомянуто в надписи на одном из памятников этой группы). Не исключено, что в той же светлице была исполнена по заказу Черкасского и тихвинская плащаница. Е. Ю. Катасонова справедливо полагает, что «гурьевская» эпитафия исполнена теми же руками, что покров Никиты Новгородского (хранится в Софийском соборе Новгорода), имеющий следующую вкладную надпись: «Построен сии покров Никиты епископа Новгородского чудотворца повелением великаго господина преосвященнаго Питирима, митрополита Великого Новаграда и Великих Лук софейскою домовою казною труды и тщание князя Ивана Ивановича Дашкова жены его княгини Дарьи Ивановны в лето 7180 (1672)» [Катасонова, с. 60, примеч. 46]. К этому следует добавить сведения о знамени на следующий год художником Михаилом Новгородцем изображения новгородского архиепископа Иоанна на покрове, вышитом в той же светлице в 1673 г.: «... А намели и писал иконописец Михайло новгородец»¹⁹.

Драгоценная плащаница 1691 г. была вкладом одного из наиболее видных монастырских ктиторов – московского князя и воеводы Михаила Яковлевича Черкасского, семейство которого на протяжении всего столетия было тесно связано с Тихвинским монастырем. Он был старшим сыном княжны Евдокии Прозоровской, дочери известного военачальника и государственного деятеля Семена Васильевича Прозоровского [Корсакова; Дворянские роды], героя обороны Тихвина 1613 г., который впоследствии стал главным благодетелем монастыря, в преклонном возрасте принял в нем постриг с именем Сергия и с почестями похоронен на паперти Успенского собора [Историко-статистическое описание, с. 172–173, 187]. Оба княжеских рода были связаны семейными узами: С. В. Прозоровский приходился шурином отцу Михаила – крупному полководцу князю Якову Куденетовичу Черкасскому (+ 1666), имевшему чрезвычайно большое влияние при дворе царя Алексея Михайловича и также покровительствовавшему монастырю. Вместе они участвовали во всех военных кампаниях эпохи, были приближены к царскому дому и играли видную роль в политике государства [Бенешевич]. Пользуясь доверием царевича Петра Алексеевича, сам Михаил Яковлевич с 1685 г. исполнял обязанности воеводы в Великом Новгороде, что позволяло семье часто бывать в монастыре «с молением» у чудотворной иконы Богородицы Тихвинской, в «дом» которой «по своей рачительной вере» присылал московский князь богатые приклады. Помимо значительных денежных пожертвований «на помяновение деда своего блаженные памяти боярина князя Симиона Василевича Прозоровского», документы сохранили описания некоторых из этих драгоценных даров. Так, в 1682 г. царский стольник «построил на престол крест благословящей серебряной золочен с мошми и с камнем», размещенный в богато украшенном киоте «поволочен сверху и внутри бархатом червчатым»²⁰; в 1690-м прислал большое паникадило; тогда же на средства князя была осуществлена роспись Успенского собора²¹. Помимо подаренной в 1691 г. плащаницы, М. Я. Черкасский вложил в монастырь довольно много предметов шитья, служебных одежд и драгоценных тканей, причем далеко не все они оказались отраженными во Вкладной книге. 8 августа 1673 г. «пожаловал ... в дом пречистые Богородицы ризы изарбавные на золоте разных шелков, оплечье по черному бархату шито золотом и серебром высоким швом. Подолник отлас осиноваго цвету. Да епитрихил шита высоким же швом с круживом и с пугвицы серебряными золочены. На кистях ворворки золотные з мечюги». В следующей «даче» – «улар золотом и серебром высоким швом по червчатому отласу. У того уларя по концам десять кистей разных шелков золотом и серебром. Да поручи шиты золотом, и серебром, и шелки разных цветов, образ Благовещение

¹⁹ Покров находился в новгородской Софийской ризнице: [Покровский, с. 29–30, табл. XV], см. также: [Игнашина, с. 390–393, рис. 4].

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Ед. хр. 75. Л. 9–9 об.

²¹ Там же. Л. 11 об. Подробнее см.: [Сиренов, Шалина].

Пресвятые Богородицы по червчатому отласу. Да на них же двенатцать пугвиц серебряных золоченых гладких». В 1674 г. «он же боярин князь Михаило Иаковлевич пожаловал стихарь дьяконской обьярь золотная по червчатой земли, оплечье, и зарукавь, и крест шито золотом и серебром высоким швом, по черленому бархату, подолник обьярь серебряная подложен киндяком красным. ...в РЧГ году... пожаловал прислал ко кресту ширинку тафта белая шита золотом и подкищена золотом же, а прислал из великого Новагорода»²². Примечательно, что аналогичную утварь и облачения князь одновременно вкладывал в Новоспасский монастырь в Москве, где был «строителем» и где находилась его родовая усыпальница [Снегирев, с. 58–59, 74–76, 93, 131]. Некоторые из вкладных вещей Черкасского сохранялись в Тихвине еще в XX в., как об этом свидетельствует перечень произведений, переданных в Ленинградское отделение Государственного музейного фонда (размещалось в Русском музее) (№ 2012/1172 от 21.08.1932). Судьба всех этих шитых памятников нам неизвестна.

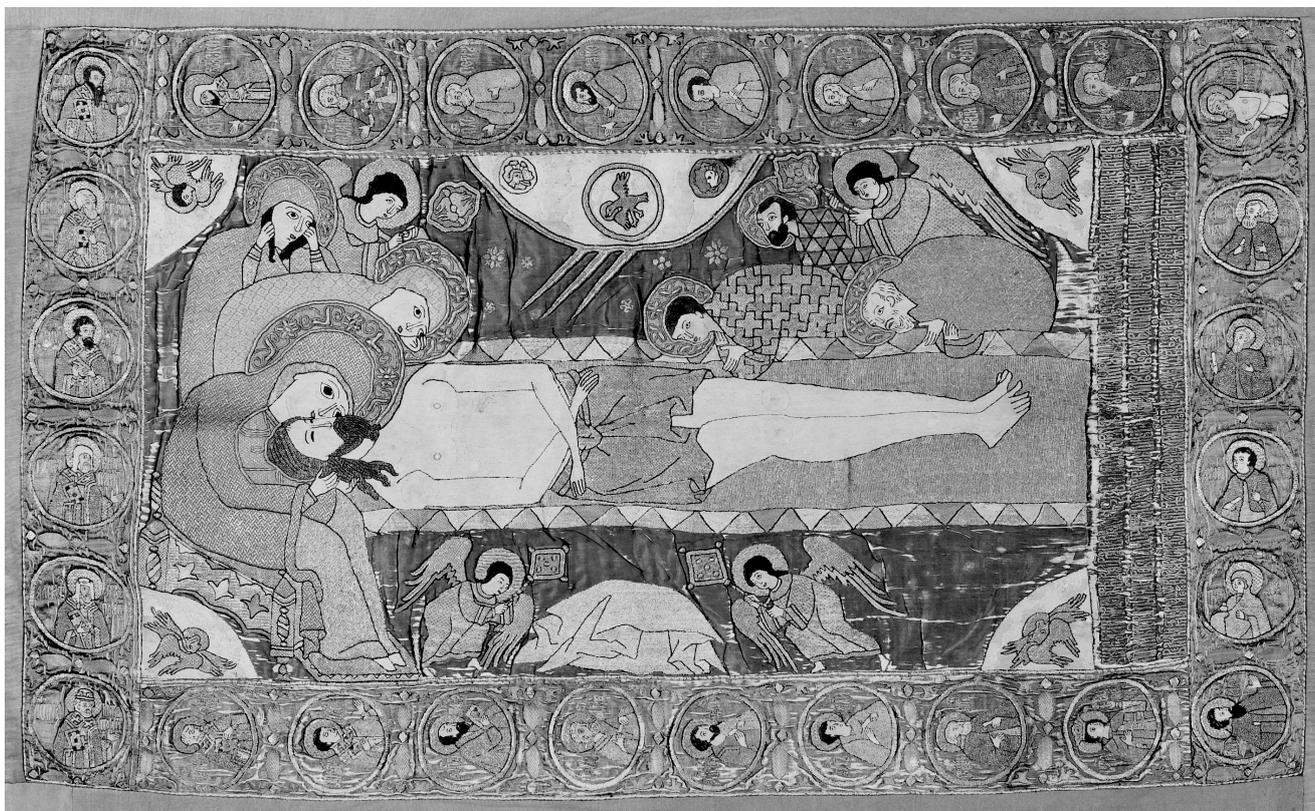

Рис. 1. Положение во гроб, со святыми. Плащаница. Москва. Вложена в 1601 г. в Успенский собор Тихвинского монастыря Х.-И. И. Безобразовым. Национальный музей искусств Румынии (Бухарест)
© Национальный музей искусств Румынии (Бухарест)

²² Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Ед. хр. 75. Л. 10–10 об. Похожие вклады делал М. Я. Черкасский и в новгородские храмы. В Клопском монастыре среди «дач боярина» упоминаются ризы «обьярь серебряная, оплечье участок золотной, опушены тафтою алою, подложены киндяком», аксамитный золотный с большими травами саккос был поднесен им митрополиту Корнилию [Макарий, с. 326, 329, 333]. В Софийский собор в 1690 г. пожертвовал «пояс крестчат, шелк черлен, да светлозелен» с жемчугом и серебряными с чернью «жучками» [Макарий, с. 342], «омофор из золотой парчи» с шитыми изображениями Богоматери Знамения и страстных событий в «крестах» [Игнашина, с. 400].

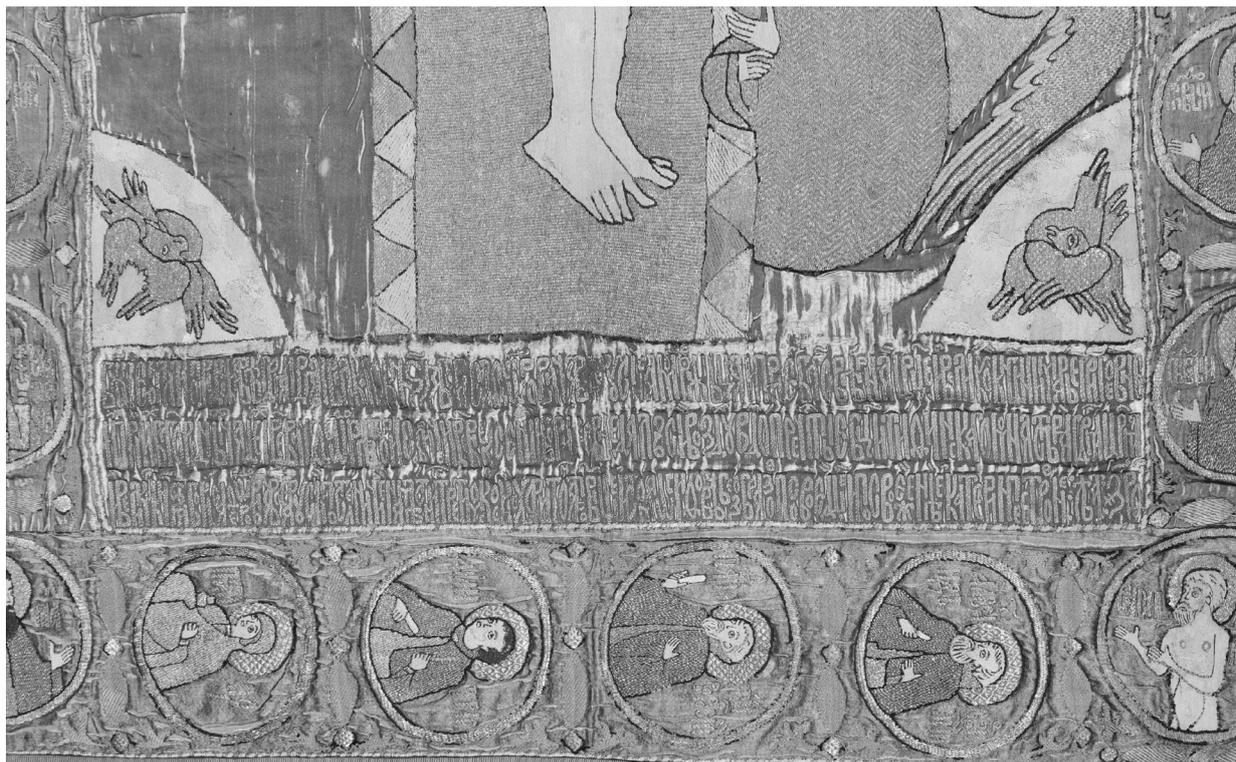

Рис. 2. Положение во гроб, со святыми. Плащаница. Москва. Вложена в 1601 г. в Успенский собор Тихвинского монастыря Х.-И. И. Безобразовым. Национальный музей искусств Румынии (Бухарест). Вкладная надпись

© Национальный музей искусств Румынии (Бухарест)

Рис. 3. Положение во гроб, со святыми. Плащаница, вложенная в 1601 г. в Успенский собор Тихвинского монастыря Х.-И. И. Безобразовым. Литография [Одобеско]

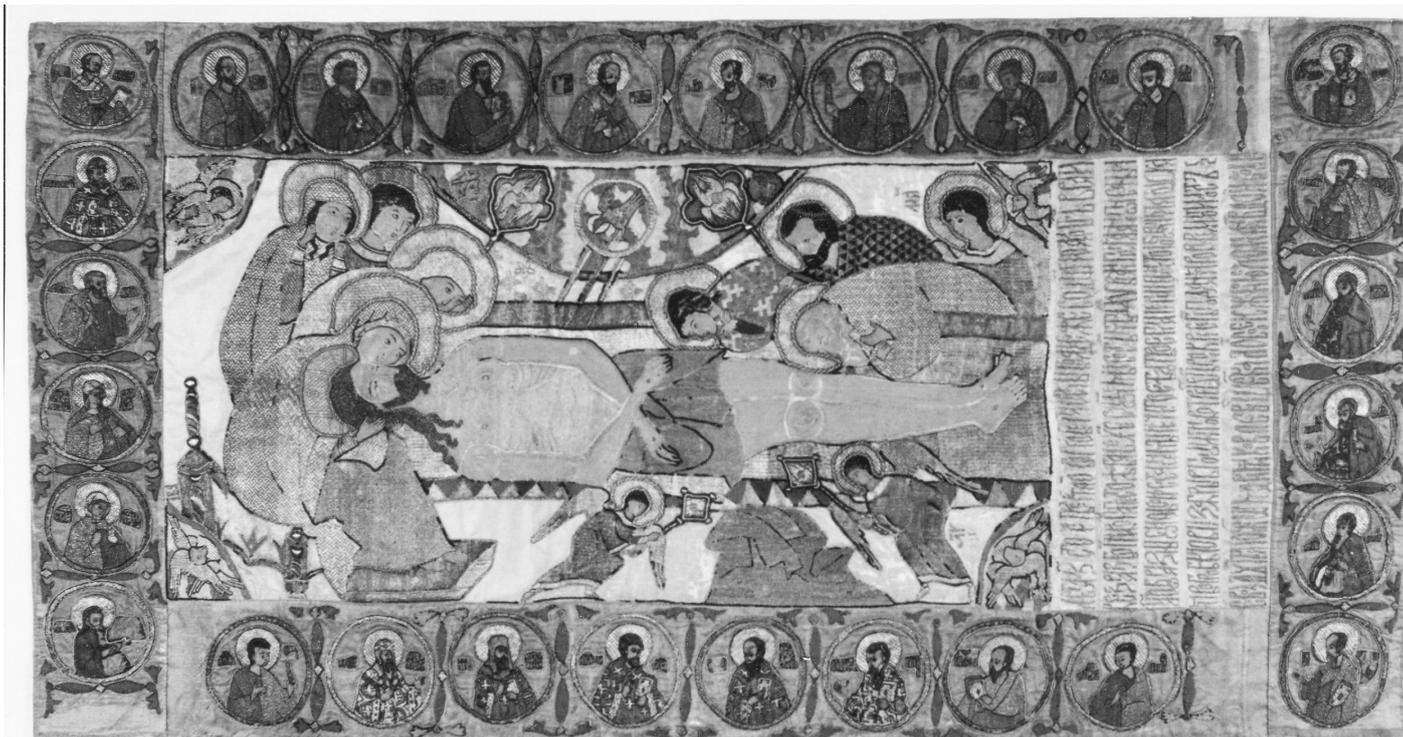

Рис. 4. Положение во гроб, со святыми. Плащаница. 1596 г. Москва. Вклад А. Я. Щелкалова в надвратный храм Св. Николая Псково-Печерского монастыря. Псковский музей-заповедник

Рис. 5. Положение во гроб, со святыми. Плащаница. 1691 г. Москва. Вклад в Успенский собор Тихвинского монастыря князя М. Я. Черкасского. Фото по: [Анисимов]

Литература

- Абеленцева О. А. О гибели архива Тихвинского Успенского монастыря в 1612 г. // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 10–20.
- Анисимов А. И. Церковная старина на выставке XV Археологического съезда в Новгороде. Отд. оттиск из журнала «Старые годы». Октябрь, 1911 года. СПб., 1911. С. 1–9.
- Бенешевич В. Черкасский Яков Куденетович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1905. Т. 22. С. 220–224.
- [Бередников Я. И.] Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. СПб., 1859. 135, ХLI с.
- Дворянские роды Российской империи. В 4-х т. / Авт.-сост.: П. Гребельский, С. Думин, А. Мирвис, А. Шумков, М. Катин-Ярцев. СПб., 1993. Т. 1. 344 с.
- Древнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки / Сост. Л. Д. Лихачева. Л., 1980. 135 с.
- Игнашина Е. В. Памятники средневекового лицевого шитья из Софийского собора // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 382–409.
- Историко-статистическое описание Тихвинского Богородицкого монастыря. СПб., 1888. 136, ХLI с.
- Каталог выставки XV Всероссийского Археологического съезда в Новгороде. Отдел 2 (Церковный) / Сост. А. И. Анисимов. Новгород, 1911. 48 с.
- Катасонова Е. Ю. Две пелены XVII века и вклады шитья, связанные с родом Одоевских // Лицевое шитье. Материалы выставки-конференции «Основы церковной вышивки. Опыт передачи древних традиций в церковном искусстве» 2013 года. Московский Новодевичий монастырь. М., 2014. С. 47–60.
- Корсакова В. Прозоровский, Семен Васильевич // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1910. Т. 15. С. 26–29.
- Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. 358, LXII с.
- Манушина Т. Н. Плащаница из Никольского собора Зарайска // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 215–219.
- Манушина Т. Н. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. 296 с.
- Маясова Н. А. Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 41–64.
- Маясова Н. А. «Светлица» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века. М., 1984. (Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4). С. 32–56.
- Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. 496 с.
- Нарциссов В. В. Воздух, шитый княгиней Оленой Верейской // Древнерусское искусство: Исследования и реставрация. СПб., 1997. С. 212–233.
- Одобеско А. И. Воздух с вышитым изображением положения Спасителя во гроб, пожалованный в 1601 г. в русский Тихвинский монастырь и найденный в Быстрицком монастыре в Валахии / Пер. с франц. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1874. Т. 4. Вып. 1. С. 1–46.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. 1584–1605 гг. СПб., 1992. 280 с.
- Покровский Н. В. Древняя Софийская ризница в Новгороде. СПб., 1913. Вып. 2. 35 с.
- Пуцко В. Памятники русского прикладного искусства XV–XVII веков в Ростове // Сборник. Музей прирамеете уметности. Београд, 1980–1981. Св. 24–25. С. 51–69.
- Реставрация музейных ценностей России. V триеннале. Каталог выставки. М., 2006. 351 с.
- Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Б. м.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. Т. 1. 328 с.
- Россия. Православие. Культура. Каталог выставки. М., 2000. 304 с.
- Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. 752 с.
- Селин А. А. Тихвинский монастырь накануне осады 1613 года // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря. Материалы круглого стола (к 450-летию со дня основания обители). СПб., 2010. С. 28–35.
- Силкин А. В. Лицевое шитье строгановских мастерских. М., 2009. 432 с.
- Силкин А. В. Древнейшая плащаница ростовского Успенского собора. Обретение памятника // История и культура Ростовской земли. 2016. Ростов, 2017. С. 105–112.

- Сиренов А. В., Шалина И. А. Росписи Тихвинского Успенского собора по архивным документам // НИС. Великий Новгород, 2019. Вып. 18 (28). С. 349–386.
- Снег[ирев] И. Новоспасский монастырь. С видами сего монастыря. М., 1843. 142 с.
- Сокровища Костромы. Из собрания Церковно-археологического музея Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря и Костромского музея-заповедника / Сост. Иоанн (Павлихин). М., 2013. 266 с.
- Соломина В. П. Древнерусское шитье в собрании Архангельского областного краеведческого музея: каталог. Архангельск, 1982. 103 с.
- Шалина И. А. Произведения лицевого и орнаментального шитья из тихвинских монастырей и храмов // Церковное шитье: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции памяти Наталии Андреевны Маясовой. Санкт-Петербург, 10–12 октября 2019 г. СПб., 2020 (в печати).
- Шалина И. А., Клюканова О. В. Древнейшая новгородская плащаница из Успенского собора Тихвинского монастыря // София. 2020. № 3. С. 18–24.
- Шалина И. А., Клюканова О. В. Лицевое шитье из Успенского Тихвинского монастыря в собрании Русского музея // Церковное шитье: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции памяти Наталии Андреевны Маясовой. Санкт-Петербург, 10–12 октября 2019 г. СПб., 2020 (в печати).
- Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896. 134 с.
- Brun J. L'Art religieux au Musée de Bucarest. Bucarest, 1902. 77 p.
- Elian A. (red. resp.), Bălan C., Chircă H., Diaconescu O. Orasul Bucuresti: 1395–1800. Inscriptiile medievale ale României. Oraşul Bucureşti. Vol. I (1395–1800) / Cuv. înainte de A. Otetea. Bucureşti, 1965. 936 p.
- La Roumanie à l'Exposition de 1900. Catalogue des exposants. Paris, 1900. 238 p.
- Tocilescu G. G. Catalogul Muzeului Naţional de Antichităţi din Bucureşti. Bucureşti, 1906. 165 p.

References

- Abelentseva, O. A. O gibeli arkhiva Tikhvinskogo Uspenskogo monastyrya v 1612 g. [About the Destruction of the Archive of the Tikhvin Assumption Monastery in 1612]. In *Na rubezhe kul'tur: Tikhvin v XVII stoletii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 10–20.
- Anisimov, A. I. Tserkovnaya starina na vystavke XV Arkheologicheskogo s'ezda v Novgorode [Church Antiquities at the Exhibition of the XV Archaeological Congress in Novgorod]. Otd. ottisk iz zhurnala "Starye gody". Oktyabr', 1911 goda. Saint Petersburg, 1911. Pp. 1–9.
- Beneshevich, V. Cherkasskii Yakov Kudenetovich [Cherkasy Jacob Kudenetovich]. In *Russkii biograficheskii slovar': in 25 v.* Saint Petersburg; Moscow, 1905. Vol. 22. Pp. 220–224.
- [Berednikov, Ya. I.] Istoriko-statisticheskoe opisanie pervoklassnogo Tikhvinskogo Bogoroditskogo Bol'shogo muzhskogo monastyrya, sostoyashchego Novgorodskoi eparkhii v gorode Tikhvine [Historical and Statistical Description of the First-class Tikhvin Bogoroditsky Large Male Monastery of the Novgorod Diocese in the City of Tikhvin]. Saint Petersburg, 1859. 135, XLI p.
- Brun, J. L'Art religieux au Musée de Bucarest. Bucarest, 1902. 77 p.
- Drevnerusskoe shit'e XV – nachala XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Katalog vystavki [Old Russian Embroidery of the 15th – the Beginning of the 18th Century in the Collection of the State Russian Museum. Catalogue of the Exhibition] / Compiled by L. D. Likhacheva. Leningrad, 1980. 135 p.
- Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii [Noble Families of the Russian Empire]. In 4 v. / Author-compilers: P. Grebel'skii, S. Dumin, A. Mirvis, A. Shumkov, M. Katin-Yartsev. Saint Petersburg, 1993. Vol. 1. 344 p.
- Elian, A. (red. resp.), Bălan, C., Chircă, H., Diaconescu, O. Orasul Bucuresti: 1395–1800. Inscriptiile medievale ale României. Oraşul Bucureşti. Vol. I (1395–1800) / Cuv. înainte de A. Otetea. Bucureşti, 1965. 936 p.
- Ignashina, E. V. Pamyatniki srednevekovogo litsevoogo shit'ya iz Sofiiskogo sobora [Monuments of Medieval Pictorial Embroidery from the Saint Sophia Cathedral]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 2003. Issue 9 (19). Pp. 382–409.
- Istoriko-statisticheskoe opisanie Tikhvinskogo Bogoroditskogo monastyrya [Historical and Statistical Description of the Tikhvin Bogoroditsky Monastery]. Saint Petersburg, 1888. 136, XLI p.
- Katalog vystavki KhV Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s'ezda v Novgorode. Otdel 2 (Tserkovnyi) [Exhibition Catalog of the XV All-Russian Archaeological Congress in Novgorod. Part 2 (Ecclesiastical)] / Compiled by A. I. Anisimov. Novgorod, 1911. 48 p.
- Katasonova, E. Yu. Dve peleny XVII veka i vklady shit'ya, svyazannye s rodом Odoevskikh [Two 17th-century Shrouds and Embroidery Contributions Associated with the Odoevsky Family]. In *Litveoe shit'e. Materialy*

- vystavki-konferentsii "Osnovy tserkovnoi vyshivki. Opyt peredachi drevnikh traditsii v tserkovnom iskusstve" 2013 goda. *Moskovskii Novodevichii monastyr'*. Moscow, 2014. Pp. 47–60.
- Korsakova, V. Prozorovskii, Semen Vasil'evich [Prozorovsky, Simeon Vasilyevich]. In *Russkii biograficheski slovar': in 25 v.* Saint Petersburg; Moscow, 1910. Vol. 15. Pp. 26–29.
- La Roumanie à l'Exposition de 1900. Catalogue des exposants. Paris, 1900. 238 p.
- Makarii, archimandrite. Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostyakh [The Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and Its Surroundings]. Moscow, 1860. Part 2. 358, LXII p.
- Manushina, T. N. Plashchanitsa iz Nikol'skogo sobora Zارايسка [The Shroud from St. Nicholas Cathedral in Zaraysk]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik.* 1976. Moscow, 1977. Pp. 215–219.
- Manushina, T. N. Khudozhestvennoe shit'e Drevnei Rusi v sobranii Zagorskogo muzeya [Artistic Embroidery of Old Rus' in the Collection of the Zagorsk Museum]. Moscow, 1983. 296 p.
- Mayasova, N. A. Masterskaya khudozhestvennogo shit'ya knyazei Staritskikh [Artistic Embroidery Workshop of the Princes Staritsky]. In *Soobshcheniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya-zapovednika.* Zagorsk, 1960. Issue 3. Pp. 41–64.
- Mayasova, N. A. "Svetlitsa" v dome boyarina Dmitriya Ivanovicha Godunova ["Svetlica" in the House of Boyar Dmitry Ivanovich Godunov]. In *Proizvedeniya russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII veka.* Moscow, 1984. (Materialy i issledovaniya / Gosudarstvennyye muzei Moskovskogo Kremlya. Issue 4). Pp. 32–56.
- Mayasova, N. A. Drevnerusskoe litsevoe shit'e. Katalog [Old Russian Pictorial Embroidery. Catalog]. Moscow, 2004. 496 p.
- Nartsissov, V. V. Vozdukh, shityi knyaginei Olenoi Vereiskoi [The Air, Embroidered with Princess Olena Vereiskaya]. In *Drevnerusskoe iskusstvo: Issledovaniya i restavratsiya.* Saint Petersburg, 1997. Pp. 212–233.
- Odobesko, A. I. Vozdukh s vyshitym izobrazheniem polozheniya Spasitelya vo grob, pozhalovannyi v 1601 g. v russkii Tikhvinskii monastyr' i naidennyi v Bystritskom monastyre v Valakhii [Air with an Embroidered Image of the Savior's Position in the Coffin, Granted in 1601 to the Russian Tikhvin Monastery and Found in the Bystritsky Monastery in Wallachia] / Trans. from frans. In *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva.* Moscow, 1874. Vol. 4. Issue 1. Pp. 1–46.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove. 1584–1605 gg. [The Tsar's Court and the Political Struggle during the Rule of Boris Godunov. 1584–1605]. Saint Petersburg, 1992. 280 p.
- Pokrovskii, N. V. Drevnyaya Sofiiskaya riznitsa v Novgorode [The Ancient Sacristy of St. Sophia in Novgorod]. Saint Petersburg, 1913. Issue 2. 35 p.
- Putsko, V. Pamyatniki russkogo prikladnogo iskusstva XV–XVII vekov v Rostove [Monuments of Russian Applied Art of the 15th – 17th Centuries in Rostov]. In *Zbornik. Muzei primen'ete umetnosti.* Belgrade, 1980–1981. Sv. 24–25. Pp. 51–69.
- Restavratsiya muzeinykh tsennostei Rossii. V triennale. Katalog vystavki [Restoration of Museum Values of Russia. V Triennale. Catalogue of the Exhibition]. Moscow, 2006. 351 p.
- Riznitsa Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry [Sacristy of the Holy Trinity St. Sergius Lavra]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2014. Vol. 1. 328 p.
- Rossiya. Pravoslavie. Kul'tura. Katalog vystavki [Russia. Orthodoxy. Culture. Catalogue of the Exhibition]. Moscow, 2000. 304 p.
- Selin, A. A. Novgorodskoe obshchestvo v epokhu Smuty [Novgorod Society in the Era of Troubles]. Saint Petersburg, 2008. 752 p.
- Selin, A. A. Tikhvinskii monastyr' nakanune osady 1613 goda [Tikhvin Monastery on the Eve of the Siege of 1613]. In *Istoriya i razvitie tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii na primere Tikhvinskogo Uspenskogo monastyrya. Materialy kruglogo stola (k 450-letiyu so dnya osnovaniya obiteli).* Saint Petersburg, 2010. Pp. 28–35.
- Shalina, I. A. Proizvedeniya litsevo i ornamental'nogo shit'ya iz tikhvinskikh monastyrei i khramov [Works of Pictorial and Ornamental Embroidery from Tikhvin Monasteries and Temples]. In *Tserkovnoe shit'e: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati Natalii Andreevny Mayasovoi. Sankt-Peterburg, 10–12 oktyabrya 2019 g.* Saint Petersburg, 2020 (in print).
- Shalina, I. A., Klyukanova, O. V. Drevneishaya novgorodskaya plashchanitsa iz Uspenskogo sobora Tikhvinskogo monastyrya [The Oldest Novgorod Shroud from the Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery]. In *Sofiya.* 2020. No. 3. Pp. 18–24.
- Shalina, I. A., Klyukanova, O. V. Litsevoe shit'e iz Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya v sobranii Russkogo muzeya [Pictorial Embroidery from the Uspensky Tikhvin Monastery in the Collection of the Russian

Museum]. In *Tserkovnoe shit'e: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati Natalii Andreevny Mayasovoi. Sankt-Peterburg, 10–12 oktyabrya 2019 g.* Saint Petersburg, 2020 (in print).

Shtyl'ko, A. *Illyustrirovannaya Astrakhan'* [Illustrated Astrakhan]. Saratov, 1896. 134 p.

Silkin, A. V. *Litsevoe shit'e stroganovskikh masterskikh* [Pictorial Embroidery of Stroganov Workshops]. Moscow, 2009. 432 p.

Silkin, A. V. *Drevneishaya plashchanitsa rostovskogo Uspenskogo sobora. Obretenie pamyatnika* [The Oldest Shroud of the Rostov Assumption Cathedral. Finding the Monument]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 2016.* Rostov, 2017. Pp. 105–112.

Sirenov, A. V., Shalina, I. A. *Rospisi Tikhvinskogo Uspenskogo sobora po arkhivnym dokumentam* [Paintings of the Tikhvin Assumption Cathedral according to Archival Documents]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik. Velikii Novgorod, 2019. Issue 18 (28).* Pp. 349–386.

Sneg[irev], I. *Novospasskii monastyr'. S vidami sego monastyrya* [Novospassky Monastery. With Views of This Monastery]. Moscow, 1843. 142 p.

Sokrovishcha Kostromy. *Iz sobraniya Tserkovno-arkheologicheskogo muzeya Svyato-Troitskogo Ipat'evskogo muzhskogo monastyrya i Kostromskogo muzeya-zapovednika* [Treasures of Kostroma. From the Collection of the Church-Archaeological Museum of the Holy Trinity Ipatiev Monastery and the Kostroma Museum-Reserve] / Compiled by Ioann (Pavlikhin). Moscow, 2013. 266 p.

Solomina, V. P. *Drevnerusskoe shit'e v sobranii Arkhangel'skogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya: katalog* [Old Russian Embroidery in the Collection of the Arkhangelsk Regional Museum of Local Lore: Catalog]. Arkhangelsk, 1982. 103 p.

Tocilescu, G. G. *Catalogul Muzeului Național de Antichități din București.* București, 1906. 165 p.

Irina A. Shalina

State Russian Museum, St. Petersburg, Russia

TWO SHROUDS OF THE 17th CENTURY FROM THE ASSUMPTION CATHEDRAL OF THE TIKHVIN MONASTERY

The article is devoted to two embroidered shrouds of the 17th century of the Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery. The first of them was invested in 1601 by the Duma nobleman Kh.-I. I. Bezobrazov, Boris Godunov's gentleman of the bedchamber. It was stolen from the monastery in 1612 and later found in the Bystritsky Monastery in Wallachia. The monument found in the Bucharest National Museum of Art belongs to the group of large airs of the second half of the 16th – 17th centuries, the iconography of which was formed in the workshop of Efrosinia Staritskaya, but has unique iconographic features. The fate of the second shroud, invested in 1691 by the Moscow Prince M. Ya. Cherkassky, is unknown, but thanks to the photo of 1911 it is possible to determine its artistic features. Other princely contributions to the Tikhvin Monastery are considered on the basis of archival materials.

Keywords: Assumption Tikhvin Monastery, Old Russian art of the 17th century, Old Russian pictorial embroidery, shroud, iconography, Passion, contributors, Troubles of the early 17th century, M. Ya. Cherkassky, Kh.-I. I. Bezobrazov, the Prozorovskys

